

Начало этой истории «о датах» еще в прошлом веке. В середине девяностых, при подготовке к поступлению в Литературный институт им. А.М. Горького, перечитывал я роман М.Ю. Лермонтова и обнаружил, как оказалось впоследствии интереснейший отрывок в дневниках Печорина: *«Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился в постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо... Когда я проснулся, на дворе уж было темно...»*

Этот отрывок не привлёк бы моего внимания, как и не привлекал, видимо, внимание ни одного исследователя творчества писателя за многие предыдущие десятилетия. И я бы пробежал взглядом мимо, если бы не имя французского императора. Да и в творчестве Лермонтова французский император оставил свой след, простое перечисление стихов, посвященных Наполеону, это доказывает.

Ещё и поэтому я задумался, какое отношение имеет Наполеон к финальной (и при этом – любовной) сцене в «Княжне Мери» и почему Печорин, вспоминает его, вроде бы ни с того ни с сего? Для Лермонтова подобный литературный недочёт просто неприемлем. Каждая его фраза всегда выверена, всякое слово на своем месте. Это доказано работами многочисленных филологов-лермонтоведов.

Конечно, он легко может усадить Максима Максимыча, отрекомендованного как непьющего, за бутылку кахетинского и даже вложить ему в уста приглашение выпить и рассуждения о качестве местных вин. Че-

ловеку одинокому свойственно иной раз и левелечить, а, стало быть, это не ошибка... Но «пустое» упоминание о Наполеоне... Этого быть не могло.

Именно «пустое» воспоминание, да еще как-то неслучайно «в ночь после сражения под Ватерлоо» меня и заинтересовало. Слыхом важным оно было в жизни Наполеона. А при чём тогда здесь Печорин?

Как ни странно, ответ нашёл сразу, стоило мне только перелистнуть в «Герое нашего времени» несколько страниц назад и прочесть: *«16 июня. Нынче поутру у колодца только и было толков, что об ночном нападении черкесов...»*.

Долгие годы никто даже не задумывался над этой лермонтовской задачей, просто потому, что и задумываться исследователям в прежние десятилетия было не над чем. Загадка? Нет... Просто текст издавался неправильно...

А почему это произошло, выяснил советский литературовед Борис Викторович Томашевский. До Академического собрания сочинений 1957 года (6 томов под его редакцией) долгие сто с лишним лет над теми же строчками стояла другая дата – «27 июня».

И хотя первое Академическое собрание Лермонтова вышло в 1911 году под редакцией профессора Д.И. Абамовича (6 томов), только в упомянутом выше издании 1957 года есть в примечаниях следующий важный текст (т. 6, с. 655–656):

«...в «Княжне Мери» мы восстанавливаем рукописную датировку записей Печорина,

начиная с записи от 22 мая. В печати (уже в издании 1840 года) даты эти изменены по сравнению с автографом, но произошло это, несомненно, в результате какой-то ошибки.

(Впервые роман был издан в Санкт-Петербурге, в типографии Ильи Глазунова и К°, в 1840 г., в 2 книгах. Тираж 1000 экземпляров. – Б.Л.)

В записи от 21 мая говорится: «завтра бал по подписке в зале ресторации»; следующая запись, рассказывающая о событиях на балу и сделанная, очевидно, непосредственно после него, датирована в автографе 22 мая, а в печати – 29 мая. Это вносит явную бессмыслицу, усугубляемую тем, что в следующей записи, датированной в автографе 23 мая, а в печати – 30 мая, Грушницкий благодарит Печорина за то, что Печорин вчера (т.е.) 22 мая, (как и должно было быть) защитил Мери.

Далее в печатных датировках появляется ещё одна бессмыслица – явный результат недосмотра: после даты «6-го июня» следует дата «13 июня» (в автографе в первом случае – «22 мая», во втором – «3 июня»), а затем – «12-го июня».

Надо полагать, что основная ошибка, превратившая дату «22 мая» в дату «29 мая», повлекла за собою дальнейшие изменения и ошибки.

В изданиях 1840 и 1841 годов даты записей (после 21 мая) следующие: 29 мая, 30 мая, 6 июня, 13 июня, 12 июня, 13 июня, 14 июня, 15 июня, 18 июня, 22 июня, 24 июня, 25 июня, 26 июня, 27 июня.

В прежних изданиях (Висковатова, Введенского, в Соч. изд. Академической библиотеки, в изд. «Akademía») делалась только одна поправка: дату «13 июня» в первом случае заменяли датой «11 июня»; остальные даты воспроизводились по изданию 1840 года. Мы решили вернуться к рукописным датировкам вообще, поскольку первая же печатная дата, расходящаяся с рукописной (29 мая), вносит явную путаницу».

Странным образом мне повезло. Попадись мне в руки томик Лермонтова в другом

издании, я бы, может быть, никогда не нашёл ответа на возникший вопрос.

Стоило мне только перелистнуть в книге несколько страниц назад и прочитать: «16 июня. Нынче поутру у колодца только и было толков, что об ночном нападении черкесов...».

Важно, что именно эта редакция романа оказалась у меня в тот день.

Это я увидел, сравнивая несколько академических изданий собраний сочинений М.Ю. Лермонтова.

Многие годы коллекционирую Академические собрания классиков: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова и др.

Вот так долго, 117 лет со дня первой публикации сохранялась ошибка в датировке, которая не позволяла заметить ту самую фразу о Наполеоне.

Что же такого важного в ней?

Дело в том, что в сражении возле бельгийской деревни Ватерлоо Наполеон потерпел поражение в 1815 году 18 июня.

Это число в тексте романа ничего не говорило исследователям творчества Лермонтова из-за ошибки в датировке дневников Печорина.

В принципе и не требуется вроде бы подтверждений правильности рукописных дат. Это же авторской рукой поставлено. Но...

Что же замечательное скрыто в этой дате?

В Лермонтовской энциклопедии читаем: «Проблема личности – центральная в романе: «История души человеческой... едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» (VI, 249), – говорит в романе Лермонтов. Здесь прямая переключка с гиперболой В.Г. Белинского, который в 1840 писал: «Для меня теперь человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества. Это мысль и дума века!» (XI, 556)».

Если заявлен такой подход к судьбе героя, то даты в романе и ошибка при издании не случайны.

Я вынужден объяснить смысл этих цифр в дневнике Печорина. По крайней мере, как я их понимаю.

Во-первых, это подтверждение правильности восстановления Томашевским датировки в Академическом собрании сочинений Лермонтова 1957 года.

Во-вторых, и самое важное – это раскрывает никем до Лермонтова не использованный в прозе ход – датировка событий в художественном произведении, отсылкой к историческому событию, героем которого является третье лицо более чем хорошо известное читателю тех лет. Отметим и прием передачи состояния героя – состоянием этого третьего исторического лица.

В нашем случае это третье лицо – Наполеон и его состояние в ночь после проигранного сражения. А событие это – битва при Ватерлоо.

Каково же оно?

В словаре Брокгауза и Ефрона читаем:

Ватерлоо, селение в Бельгии

(Waterloo) — селение в Бельгии, в 20 в. от Брюсселя, на большой дороге из Шарльруа. С 1815 г. селение это приобрело мировую известность, так как сражением, происшедшим около него 18 июня, завершилась политическая и военная деятельность императора Наполеона I. Пруссаки называют это сражение — сражением при Бель-Альянсе, а французы — при Мон-Сен-Жан.

Вернемся к Печорину.

По верной мысли исследователей: «Он и большинство окружающих его людей живут как бы в разных временных и ценностных измерениях».

Эти временные и ценностные измерения и усиливают значение особой авторской датировки.

«16 июня. Нынче поутру у колодца...»

17 июня..... «Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтобы завтра рука не дрожала».

Завтра следует понимать, как этот же день – 17 июня – потому что мы часто ночью говорим завтра, хотя по часам это уже сегодня. Ночь перед дуэлью он читает роман Вальтера Скотта, лежавший теперь и у меня на сто-

ле: *«то были Шотландские Пуритане»... Наконец рассвело. Нервы мои успокоились...»*

Кстати, о романе Вальтера Скота «Пуритане» тоже почти ничего не сказано у исследователей. А роман этот приключенческий, по нынешним меркам, подростковый... Если не замечать политического подтекста, революционности не только государственно направленной, но и клерикальной.

Между прочим, в произведениях Лермонтова герои никогда не бывают в церкви... Мцыри же – что не менее грешно по взглядам того времени – убегает из монастыря, убегает в мир...

А именно этот мир, столь привлекательный для не посвященного с его законами, условностями, так ненавидел Печорин!

В тот же день после дуэли: *«Уже солнце садилось, когда я подъехал к Кисловодску, измученный на измученной лошади. Лакей мой сказал мне, что заходил Вернер, и подал мне две записки: одну от него, другую... от Веры».*

18 июня.

Наполеон проиграл сражение. Гюго в «Отверженных» написал: *«Пробил час падения необыкновенного человека»* (Глава 9, Неожиданность). А у Лермонтова в романе необыкновенный человек – Печорин.

У Гюго же читаем: «Ватерлоо – не битва. Это изменение облика всей вселенной».

Можем ли мы охарактеризовать события случившиеся с Печориным «катастрофическими»?

Наполеон убегает с поля боя, Печорин пытается догнать потерянное счастье, но вынужден вернуться ни с чем, потеряв коня, успокаивая себя обычными для него речами о бессмысленности первого порыва – догнать Веру, увидеть...

Весь девятнадцатый век (да и сейчас, видимо) сражение при Ватерлоо оставалось загадкой и для тех, кто выиграл, и для тех, кто проиграл.

Таково же положение Печорина после дуэли – читателю трудно понять победил ли Печорин, закрывший глаза, проходя мимо

окровавленного трупа Грушницкого. Доктор Вертер в этой победе явно сомневается.

«Взошел доктор: лоб у него был нахмурен; он против обыкновения не протянул мне руки».

Да и Печорин не случайно весь день проплутал в горах, в растерянности и потерянности почти по-наполеоновски.

Упоминание Наполеона в таком виде низводит его образ до состояния обыденного, бытового, почти как в известной пошленькой присказке советской поры: «А лампочки Пушкин в подъезде выворачивает?».

Но здесь важно отметить, что 18 июня в романе не дата дуэли, а день после неё, когда Печорин осознаёт потерю всего прошлого счастья и рушит надежды на счастье Мери. Можно сказать, «убивает» её наповал своим отказом её любви.

Т.е. мы делаем вывод, что, по Лермонтову, битва не сама дуэль, а духовная борьба внутри Печорина, которую он проигрывает окончательно, что мы и увидим в главе «Бэлла». Кстати, записи в дневник о прошедшем Печорин производит как раз в крепости, когда Максим Максимыч уезжает на охоту.

По нашему мнению, это не просто совпадение, а еще одно подтверждение неразрывности смысловой цепочки, смыслового наполнения Лермонтовым датировки в дневнике.

Печорин принадлежит к разряду людей «необыкновенных». Лермонтов был куда необыкновеннее. Именно поэтому и в первой публикации все даты перепутаны, уверен, не случайно. Этаким привет от гения... Сродни чтению Печориным «Пуритан».